

Доклад 56. Востребованные стороны русской идеи сегодня

Максим Викторович Медоваров

Кандидат исторических наук, доцент и ведущий научный сотрудник кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Историк, философ, публицист, эксперт Изборского клуба.

Хотелось бы, конечно, начать с того, что фраза «русская идея», вошедшая в оборот в конце XIX века, у многих вызывает некоторое отторжение. Как же так? Об этом сказано десятки раз, уже выпущено много книг с таким названием. Не есть ли разговор о русской идее переливание из пустого в порожнее?

Как мне кажется, здесь дело в том, с какой стороны посмотреть, с какой стороны подойти. Можно подойти и со стороны адекватной, без ненужных самоповторов, без банальности и тривиальностей, с опорой на русскую классическую философию с учетом, разумеется, и доклассической, и постклассической. Классическим этапом я считаю русскую философию всеединства и софиологию, начавшуюся с Владимира Соловьева и окончившуюся на Владимире Федоровиче Лосеве. Таким образом, учитывая как предшественников, то есть доклассический этап от Сковороды до славянофилов, так и неоклассических представителей второй половины XIX – первой половины XX века, ну и тех наших, так сказать, постклассиков, кто живет сегодня. Учитывая всё это наследие в контексте мирового опыта, мы сможем приблизиться к пониманию того, зачем вообще нужен Большой Философский Собор, зачем нужна русская идея.

Безусловно, любой крупный, исторически сыгравший свою роль народ имеет свою определенную идею, представление о месте в мире, хотя далеко не у всех народов такая рефлексия развита, у некоторых она буквально ограничивается мыслителями, которых можно пересчитать по пальцам руки. У России в этом случае особое положение, наших мыслителей мирового значения многие десятки, а сколько-нибудь ценных мыслителей – даже сотни и тысячи. Нам есть чем гордиться и из чего выбирать, но здесь нужно, конечно, не заниматься самовосхва-

лением, самопревозношением. Нужно, скорее, трезво понимать, где место русской идеи в мировом контексте. Чаадаев заявлял, что призвание России есть не дело свое национальное, но дело универсальное всемирное – призвание России сделать всё для человечества. Это ни в коем случае не должно означать какого-то растворения в космополитизме, глобализме, наоборот, Россия есть зеркало, которое по-своему, не механически, а где-то искаженно, в других пропорциях творчески отражает все прочие языки и культуры народов мира.

Русский язык совершенно уникальный по количеству переводов с иностранных языков, то есть мы очень плотно осваиваем все мировое наследие литературы всех народов и стран за тысячи лет, мыслителей и т. д. Вот в этом контексте мы можем ставить вопрос о русской идее. Перед Собором задавался вопрос, возможно ли познать русское самосознание изнутри. Да, действительно, если не иметь никаких познаний за пределами самих себя, то мы сами себя, конечно, не познаем. Но знать мировой контекст, знать в том числе зарубежных мыслителей, философов, литературу и поставленные там проблемы, но осмыслять и решать их по-русски – это то, что нам нужно. Что успешно делала русская культура и раньше, начиная с адаптации византийских авторов в Средние века, с адаптации западных авторов в XVIII–XX веках. Сейчас она может с успехом продолжать это применительно ко всему миру. Зная чужое, перерабатывая его по-своему, мы начинаем лучше понимать и самих себя.

Зачем это нужно? Потому что все-таки человек, который всю жизнь занимается и хорошо знает только одну русскую историю, философию, культуру и вообще никак не знает зарубежный контекст, всемирный контекст – такой человек будет несколько одинок и даже уникальную специфику России не поймет. Потому что, чтобы ее понять, нужно знать, с чем сравнивать, нужно знать другие объекты сравнения. Если это знать и пропустить через себя, тогда мы больше поймем уникальные специфические особенности России. Вот только при этом условии русская идея возможна. В этом ее универсальность.

У других народов мы не видим таких же способностей к всемирному отражению. В других языках нет такого же количества адаптаций всех остальных культур и переводов, как у русского языка, это мы стремимся всё себе присвоить и переработать по-своему. Вот чем нам нужно гордиться, за что можно брать на себя ответственность, потому что это, конечно, не похвальба, а ответственность, которую русская культура традиционно на себя берет и предлагает это уже всему миру.

Мы берем всё. Возьмем античную философию, восточную философию, литературу всех народов мира, традиционных классиков всех

эпох, но переосмыслим их на наш лад. В этом смысле русская идея – она не преходящая, да, безусловно, русский народ был не всегда, он сложился в определенное время, по моему глубокому убеждению, которое может быть обосновано историческими аргументами. Русский народ, как и русская культура, реально складывается в XI веке, то есть в первое столетие после Крещения Руси и стирания племенных различий. Конечно, не на пустом месте, хотя русскому народу как такому тысяча лет, соответственно, русскую идею мы видим еще у митрополита Иллариона, и вряд ли мы можем ее увидеть раньше, честно говоря. Да, но она осваивается на предпосылке к ее проявлению – на самой природе, на самой географии сплошного евразийского пространства, в первую очередь до полосы степей и примыкающих лесостепей, лесов, которые простираются от Дуная практически до Тихого океана или Амура. Это та географическая ниша, где еще многочисленные до-русские народы, начиная на самом деле со скифов, тюрков, монголов и других еще более древних индоевропейских времен; мы готовили эту нишу, некоторые общие свойства, параметры, предпосылки, на которые затем легла уже своеобразная мысль русского народа. Русский народ, безусловно, имеет определенную славянскую основу, она кардинально стала отличаться от славянского подтекста других народов, потому что развивалась в этом евразийском месте развития. В этом плане русская идея существует около тысячи лет, в таком виде постоянно развиваясь, взрослея. На самом деле ее зенит, может быть, уже позади: все наши классики уже прожили свое, но это не значит, что нам нечем заняться, мы можем дальше осмыслять их наследие.

Существует ли русская идея вне России? Я думаю, хорошо известна огромная роль русской эмиграции, но также известно и то, что после первого поколения мигранты очень быстро вырождаются. То есть для полноценного развития русской идеи нужна все-таки родная почва. Эмиграция допустима, но не дальше, чем на одно поколение.

Может ли русская идея исчезнуть? Вопрос всем участникам Собора. Мы знаем, что любой этнос, любая культура имеют свой срок жизни – 1000–1200 лет, хотя известны случаи, когда этнос передает свое название и элементы культуры следующему этносу: как мы выделяем древних и новых китайцев, древних и новых греков, древних и новых евреев, армян и т. д. Мы не будем спекулировать на том, а что будет еще через 200 лет, давайте просто исходить из того, что как минимум в ближайшие 100–200 лет, если будет существовать мир, то в нем будет существовать и русский народ, русская мысль, русская идея. Дальше 2200 года загадывать, я думаю, нет никакого смысла.

Идея возникает, естественно, из народа как явления, исторически обусловленного, на перекрестии географии, вот этого самого места развития, в нашем случае очень сильно спаянного государством. Народы бывают разные, некоторые народы, как правило, не имеют своего государства или веками живут под властью чужеземцев, другие же имеют не одно, а десятки и сотни мелких собственных государств – так веками, например, жили греки, затем германцы, немцы, итальянцы. У России была особая судьба, то есть даже в период раздробленности княжества спаивались вместе признанием единства верховного вида княжеской власти, единства церкви, русской митрополии. Таким образом, о распаде говорить не приходится. Русский народ, по сути своей, сложился именно вследствие наличия единой государственной власти и без государства как такового существовать не может. Есть народы племенные, которым все равно, какое государство, у них сильные племенные родовые структуры – они выживут и без всякого государства. Русский народ к таковым не относится. Без государства возможны отдельные, изолированные этнические русские колонии, где-то смешивающиеся с иностранцами уже за одно-два-три поколения, где-то несколько более устойчивые, но, как правило, с сектантским «душком» – они не являются сколь-нибудь сильными игроками на этом поле русской идеи.

В целом русский народ не является родо-племенным – он государственный. Поэтому вне рамок этого государства, которое изначально складывалось как монархическое и великодержавное, многоэтническое и евразийское – в принципе это верно даже уже по отношению к временам Новгородско-Киевско-Владимирским и тем более к временам последующим. Без этого государства, без этой рамки и русская философия невозможна. То есть она может выйти в миграцию, но проживет там не дольше одного поколения.

Роль церкви. Она очень разная у различных народов. Есть, к примеру, такие, которые сложились еще задолго до принятия христианства или, скажем, ислама. Греки, немцы, арабы и много других примеров можно привести. У них преобладает их старое языческое наследие. Русские не таковы, то есть если бы не единство князя, единство церкви митрополита, то существует большой риск, что из пятнадцати разных союзов племен, заговоривших кто на восточных славянских, кто, может быть, даже на западных славянских диалектах, единое древнерусское народное бы не возникло. Ведь оно возникло именно как административная реформа князя Владимира и Крещение князя Владимира. Это истоки, которые затем, конечно, подкреплялись постоянно веками, если бы они не подкреплялись, то моментальных результатов бы не бы-

ло, но они подкреплялись, оставались стабильны многие века, так что даже к XV–XVI векам, когда уже реально произошли очень серьезные попытки распада, отрыва части нашего народа, западной части? они не могли дать таких эффектов, потому что за предыдущие века народ сложился. Здесь именно государство и церковь были такими «формовщиками», которые сформировали русский народ. Эта идея, безусловно, выражена в разных направлениях, но прежде всего в русской классической философии, философии православной, но в то же время не сухой, не схоластичной, а основанной на живых идеях и на славе: идеях софиологии, идеях евразийства и их смешении. Мы далеки от сектантства, не пытаюсь призвать всех русских философов подтягивать только евразийство или только софиологию, нет конечно. Речь идет о таких маркерах, которые определяют именно русскость мысли, в первую очередь это категории всеединства. Иногда спрашивают: «А как же отношение к материи, материализму?» Надо сказать, что русская мысль существенно признает православную мысль, определенную священность материи, она верит в реальность присутствия крови и плоти Иисуса Христа в таинствах, она верит в возможность самых разнообразных освящений материи, плодов, урожая, скотины и прочего. Это определенный, как говорил отец Павел Флоренский, сакральный материализм. Но, конечно, это ни в коей мере не материализм в западном материалистическом, механистическом смысле. Это, конечно же, не материализм Маркса, это не материализм Чернышевского или Герцена. Речь идет именно о том, что сама по себе материя сакральна, поскольку христианство настаивает на том, что Иисус Христос есть именно воплощенный в теле сын Божий, а не просто какой-то призрак или дух – мы отрицаем докетизм. Поэтому русская культура очень хорошо приняла именно православное христианство, которое отражает единство и неразрывность материи и души.

Что касается вопроса о юридикзме. Я обратил внимание на работу Виктора Марковича Живова об истории правовых норм на Руси за тысячу лет. Он исходит из парадоксального утверждения, что римское византийское право было известно на Руси, но никогда не применялось. Вообще никак. Его переписывали, кодифицировали, заимствовали, но вообще никак не использовали. На него ссылались как на какой-то культ, на священный ящичек с предметом, который существует, на который можно молиться, но ни в коем случае не использовать. Использовалось на практике только русское обычное право, Русская Правда, судебники и т. д. Использовались русские церковные каноны, уставы, а римское право не использовалось.

Тогда Петр Первый ломает эту систему. На самом деле еще Алексей Михайлович ломает своим Соборным уложением, и Соборное уложение – это первый свод, который имел претензию быть на западный манер внедренным в жизнь, но внедрен не был, никто его не соблюдал. Все, что потом предпринимали Алексей Михайлович, Федор Алексеевич, Петр Первый, это бесплодные совершенно попытки внедрить западные начала исполнимости законов у нас. Эти попытки провалились, и, таким образом, вплоть до кодификации Свода российских законов при Николае Первом, образовалась и усилилась определенная аномия русского права, где она была живой. Как говорил Николай Васильевич Гоголь, русское право живое там, где оно крестьянское, сословное, церковное, то есть там, где оно было устным, обычным правом или правом традиционным, не подлежащим регулированию западническим сводом законов.

В этом состоянии разнообразия юридических режимов, когда крестьяне судили сами себя по обычному праву и до 1917 года не подлежали общим судам, специфика русского правосознания. Здесь абсолютная противоположность тому, как веками и тысячелетиями развивались отношения между римским правом и обычным правом в западных странах. Да, там тоже было обычное право, но там оно вступало в отношения совсем другого рода с римским византийским правом. Поэтому здесь надо указать на решительную противоположность России юридикзму не только западному, но и восточному, если мы обратим внимание на характер исламского или иудейского юридикзма.

Таким образом, русская идея является совершенно своеобразным словом, которое Россия говорит миру, поскольку это слово основано не на шовинизме, самопровозглашении или желании переделать всех остальных русских, но, наоборот, на желании понять и принять и претворить через себя ценности других в рамках именно всеединства. Именно в этом плане русская идея, как не доминирующая, не насильствующая все остальные идеи народов мира, ценна и может приветствоваться другими народами.

Что касается так называемых обязательных тезисов, я бы хотел остановиться на следующем. Из всех тезисов, которые, наверное, освещали и другие докладчики, безусловно, приветствую категории до единого во многом, цветущей сложности как земное практическое отражение категории всеединства. Не углубляясь отдельно, я считаю, что лучше подходит к этой тематике через именно классическую софиологию, дополняя это евразийской географичностью.

Я бы обратил внимание вот на что: сегодня у нас пятое декабря, через неделю, двенадцатого декабря, будет крупный философский

юбилей – 140 лет со дня рождения Льва Платоновича Карсавина, этим летом было 70 лет со дня его кончины, то есть этот год – юбилейный. Нисколько не желая принижать всех остальных философов, я обратил внимание на некоторую недооценку фундаментальной роли Льва Платоновича Карсавина в русской мысли. Может быть, именно его я бы отметил как философа, который радикально отрицал различие, разрыв между душой и телом. Он считал, что не может быть посмертной судьбы души и духа без тела – они переживают посмертную судьбу вместе. В этом плане он очень русский философ. Он видел всеединство именно как то, что вбирает в себя, поглощает в себя остальные все подходы и критикует их лишь за то, что они являются частями, фрагментами, кусками, в то время как всеединство дает полную картину.

Мы не говорим, что какая-то теория полностью ложная. Каждая из них несет свою долю истины, но она ложная в своей ограниченности, она ложная в том, что это лишь кусок мозаики. Всеединство же предлагает всю мозаику в целом. Вот что хотел бы я подчеркнуть в этот карсавинский юбилейный год. Через эту призму мы и можем уже освещать все остальные интересующие нас тезисы о том, что русское – есть отражение пустоты в том смысле, что оно отражает другие культуры через себя и именно через это отражение формируется русское бытие. Само русское бытие может показаться пустым, но оно не пустое именно потому, что пропускает через себя чужое и претворяет в свое.

Русское есть универсальная способность познания неразрывной связи идеального в материальном, материального в идеальном. Русскому мышлению решительно чужд как абстрактный субъективный идеализм в духе Декарта, Канта и прочих европейских философов-модернистов, так и вульгарный материализм и эмпиризм, когда забота сугубо о материальном существовании и набивании желудка. Обе эти крайности новой европейской мысли русскому мышлению чужды. Душу и тело мы не отделяем, чаем совместно их воскрешения жизни будущего века. Литургический евхаристический характер православной русской мысли требует этого определенного одухотворенного тела и воплощенного духа. Русское есть симфоническое в смысле симфонической личности, опять же учение Карсавина, которое было принято довольно широким кругом философов и за его пределами, было принято после ряда споров, например, с Николаем Трубецким. То есть учение о народе как коллективной симфонической личности, имеющей определенные черты личности, то есть рождающейся, развивающейся и умирающей.

Это принципиально отличает нас от всяких постановок вопроса о том, что персона есть только отдельные индивиды. Нет, не только. Народ, племя, сословия, церковь – это коллективные симфонические личности; это принципиальный подход, из которого исходит наша социология. Опять же, есть некоторые параллели и с зарубежной социологией. Мы их приветствуем, поскольку они совпадают с нами. Вообще говоря, это базовая русская идея. Тогда русскость получает свою ценность для всей вселенной.

Из современных авторов особое внимание обратил бы на Юрия Витальевича Мамлеева, который в своих поздних трудах: «Россия вечная», «Русские походы в тонкий мир», «Империя духа» и некоторые другие – активно развивал эту идею, идею значимости метафизической потусторонней России для всего мира. Или то, что Александр Дугин развивал в своих томах «Русской вещи» и в трех томах «Русского логоса». В этом плане мы понимаем и категорию соборности, ведомую Хомяковым, переработанную Соловьевым, который противопоставил соборность католичности. В данном случае понимание соборности как вселенскости означает, что мы никого не отторгаем – русское никого не отторгает, но стремится всех интегрировать в себя. Не ассимилирует, дабы уничтожить их самобытность, но интегрировать, накрыть своей определенной крышей. В этом синтезе, который, конечно же, не означает сваливание всего в один котел, не означает эклектики и каши, но означает очень строгий, на определенных принципах построенный синтез. Это не эклектика, это не винегрет, это синтез, построенный на тех принципах, о которых пишу последнее время. Если мы имеем этот стержень в виде всеединства, если мы постоянно держим в уме, что мы не должны разбрасываться во многом, но постоянно возводить свой ум к единому в соответствии с первой гипотезой платоновского диалога, тогда у нас все получится.

В этом смысле мы можем говорить о русскости как о способе развития всего человечества как коллективной личности. В какой-то мере к русскости могут приобщиться и другие народы, их представители, пусть и не в полной мере. Русскость как реализация всех человеческих чаяний справедливости и вольности доступна, конечно, не всегда, не всем и не целиком, но в определенной мере, в определенных параметрах доступна. Даже частичное осуществление позволяет России выполнить свое призвание, призвание всего рода человеческого, и, может быть, в данном плане из него уже выводятся конкретные социально-экономические последствия, необходимость заботы отеческой – государства о народе и так далее, и так далее.

Максим Викторович Медоваров

Завершить доклад я бы хотел стихотворением такого выдающегося русского писателя, поэта XX века, настоящего гения крестьянской литературы, как Пимен Карпов, который в одном из своих стихотворений, посвященных России, писал:

*«И все края, все страны научи
Твоей, о Русь, науке пляски звездной».*

Вот если мы научим этой пляске звездной все народы и весь мир, тогда русская идея осуществится, на мой взгляд.

Доклад 57. Метамодерн – время Севера

Павел Михайлович Пискарев

Доктор психологических наук, профессор. Основатель Института Психологии Творчества, председатель совета директоров Международной Ассоциации НейроГештальт.

Идея в том, что теорию можно изложить единым образом, и то, что я хочу вам предложить, – это интегрирующий принцип, интегрирующая идея, которая, в общем-то, является образной и интуитивно понятной и содержит в себе все возможные противоречия, а также диалектические и метафизические подходы к философии. В русских философских словарях понятие «идея» согласовывалась со смыслом «понятия», то есть идея, в конце концов, это одно слово, это что-то такое, что является ключом к открытию мира. Платон характеризовал идею как реальность и достояние души. Интересно, что об идее думали разные люди, и Гегель говорил (и это очень любопытно для того, что мы сейчас обсуждаем), что идея есть совпадение субъекта и объекта. То есть это то состояние, где различие между субъектом и объектом пропадает, по большому счету это парадигма, к этой парадигме мы сегодня еще раз подойдем. Для меня очень важна идея с точки зрения толкования Фихте, как человека, который, может быть, первым упомянул человека в классической философии, в этом смысле развернул всю философию в сторону психологии, в общем-то, сделал философию субъективной.

И конечно же, мы вспоминаем о том, что идея – продукт воображения, и великого Эрнста Кассирера, который, в принципе, сказал, что идея – результат работы воображения. Поэтому сегодня представьте себе, всё, что я вам буду сегодня рассказывать, – это то, что следует осознавать через представление. «Представьте себе» – для кого-то это фантазия, для кого-то мечта, кто-то уже увидит в этом план. Расскажу и о том, как это реализуется. Очень важно, если мы обращаемся к словам, увидеть и пронаблюдать некоторую вещь, которую я хочу показать. Посмотрите, пожалуйста: «знак, символ, фраза, образ» – я сейчас говорю